

Леонид Андреев

Реквием

Леонид Николаевич Андреев

Реквием

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148208

Аннотация

«Все действие происходит в пустоте.

Подобие маленького театра. Левую часть сцены занимает эстрада, на которой представляют актеры, – широкий помост, по самой середине разделенный тонкой сценической перегородкой. Левая часть являет собою интимную сторону маленького театра, его закулисы; на правой совершается сценическое действие. И та, и другая видимы одинаково хорошо, но на левой стороне освещение скудно и стоит сумрак, и движения смутны, – правая же озарена ярким светом рампы, располагает к громкой речи, движениям размеренным и точным...»

Леонид Николаевич Андреев Реквием

Все действие происходит в пустоте.

*Подобие маленького театра. Левую часть сцены занимает эстрада, на которой представляют актеры, – широкий помост, по самой середине разделенный тонкой сценической перегородкой. Левая часть являет собою интимную сторону маленького театра, его закулисы; на правой совершается сценическое действие. И та, и другая видимы одинаково хорошо, но на левой стороне освещение скудно и стоит сумрак, и движения смутны, – правая же озарена ярким светом рампы, располагает к громкой речи, движениям размеренным и точным. Но вот горе! В маленьком театре нет зрителей. Их заменяют собою **куклы**, плоские деревянные фигуры, вырезанные плотником из тонких досок и раскрашенные маляром. Двумя плоскими рядами, сидя на воображаемых стульях, они полукругом обнимают эстраду, смотрят неотступно нарисованными глазами, не двигаются, не дышат, молчат. Свет рампы отраженно падает на их мертвые румяные лица,*

дает им призрак жизни; колеблясь, как бы колеблет их. Ударяясь о плоские фигуры, возвращаются назад на эстраду и звуки громких речей – кажется, что куклы говорят, смеются, даже плачут. Директор и актеры называют их **зрителями**.

Игра

*Ночь накануне первого представления. Темно и глухо. Эстрада окутана мраком, и лишь слабый свет нескольких лампочек озаряет пространство между эстрадой и **зрителями**, смутно намечая их намалеванные лица, неподвижно-деревянные фигуры. Тихо разговаривают двое: **Режиссер** и **Художник**. Художник беспокоен, слишком ласков, слишком подвижен – Режиссер молчалив и темен.*

Художник. Простите, мой дорогой, что я к вам врываюсь ночью. Правда, здесь так глухо. Но вы, дорогой мой, вы сами режиссер и прикосновенны к искусству, вы поймете мое волнение, как художника. Мне бы хотелось еще раз взглянуть на эти удивительные фигуры, созданные моей кистью. Нельзя ли, дорогой мой, осветить их ярче?

Режиссер. Нельзя.

Художник. Но почему? Мне все кажется, что вон тот, третий с краю, не вполне закончен. Два-три штриха... О, вы не знаете, что значит один только штрих, когда он рождается вдохновением!

Режиссер. Нельзя.

Художник. Я бы тронул только щеку. Мне кажется, она недостаточно ярка и выпукла. Ведь он же толстый

человек, поймите меня, мой дорогой!

Режиссер. Нельзя. Я жду директора и Его светлость.

Художник (*почтительно кланяется*). А-а, и Его светлость! Тогда дело другое, и я молчу. Я молчу, мой дорогой. Я вполне уверен, что Его светлость, как никто другой, оценит мой труд. Мне сказали: нам не нужно живых зрителей в театре, мы боимся шума и неприличия, которые несет с собою толпа. Не так ли мне было передано?

Режиссер. Да, так.

Художник. Но мы не любим быть в театре и одни среди пустых стульев и пустых темных лож. Нарисуйте нам зрителей, но так, чтобы они были совсем как живые, чтобы милые актеры, которые, к сожалению, слишком любят толпу, не заметили обмана и восторженно твердили о полном бенефисном сборе. Не так ли, мой дорогой?

Режиссер. Да, так.

Художник. Гениальный каприз! Гениальная прихоть! Только в голове, осененной короной, могло зародиться такое очаровательное безумие. Театр полон – и нет никого. Нет никого – и театр полон! Очаровательно! Ну и что же, дорогой мой: разве мне не удалось?

Режиссер. Удалось.

Художник. Я думаю. Ах, дорогой мой, вы слишком флегматичны! На вашем месте я бы прыгал от восторга. Ведь они так живы – вы понимаете, так живы, что сам господь бог может обмануться и почесть их за свое творение. А вдруг он действительно обманется? Нет, вы подумайте, дорогой мой; вдруг, обманутый, он зовет их на Страшный суд и впервые – подумайте, впервые! – в недоумении останавливается перед вопросом: кто они – грешники или праведники? Они из дерева – кто они: грешники или праведники?

Режиссер. Это уже философия.

Художник. Да, да, вы правы. Долой философию и да здравствует чистое искусство! Мне нет дела до Страшного суда, мне важен только суд Его светлости и господина директора. Признаться, я немного боюсь вашего директора: он очень странный господин. А вы его не боитесь?

Режиссер. Нет.

Художник. Но он платит очень щедро. Не так ли?

Режиссер. Ему самому платят очень щедро.

Художник. Да? Так Его светлость очень богатый человек? Ну, конечно, о чем же я спрашиваю. Театр принадлежит Его светлости, а эти зрители за вход не платят. *(Показывает рукой на намалеванных зрителей и хохочет.)* До такой степени совершенства даже я довести их не могу. Не так ли?

Но одиноко погасает смех. Режиссер молчит. Наклонившись, Художник шепчет.

Конечно, тут нет ничего смешного. Вы правы, мой дорогой. Но не скажете ли вы мне теперь, когда мы совершенно одни – я думаю, что на десять миль в окружности вы не найдете живого существа возле этого театра, – когда мы совершенно одни, не скажете ли вы мне дружески: что все это значит? Конечно, это гениальный каприз... но что все это значит? Если быть откровенным, я немного боюсь, вернее, испытываю какое-то странное и неприятное волнение. Почему Его светлость носит черную маску?

Режиссер. Его лицо знает вся Европа, и он не хочет, чтобы его узнали.

Художник. Вся Европа?

Режиссер. И Америка.

Художник. И Америка? Так кто же он?

Режиссер. Не знаю.

Художник. Вы так молчаливы, мой дорогой, что я впадаю в отчаяние. Поймите же, что мне страшно, вернее, я испытываю какое-то странное и неприятное волнение... Почему я ни разу не видал никого из ваших актеров?

Режиссер. Одного вы знаете.

Художник. Да? Кто же он?

Режиссер. Вы.

Художник. Ах, оставьте: это старая и нелепая игра словами. Да, да, все мы актеры, а жизнь – театр, а зрители... Позвольте: но, быть может, у вас и актеры из дерева? Вот было бы славно.

Режиссер. Нет. Они страдают.

Художник. Да, да, конечно. Но получают ли они жалованье? Ах, мой дорогой: получаю жалованье – следовательно, существую, это даже не философия... Но где-то хлопнули двери!

Режиссер. Это идет директор.

Художник. Ах, боже мой! Вот опять хлопают двери. Я боюсь, как бы мое присутствие в этот час не показалось неуместным господину директору или Его светлости. Я ведь даже не имел еще чести быть представленным.

Режиссер. Директор очень любезный человек.

Художник. А Его светлость? У меня запотели руки от волнения. Я сошлюсь на вас, мой дорогой. Я сошлюсь на вас!

Голос директора (за сценой). Осторожнее, Ваша светлость, здесь ступеньки.

*Входят двое: **Его светлость** – высокий человек, окутанный черным плащом, на лице черная полумаска. За ним, слегка согнувшись из почтительности, идет **Директор**, также высокий и также одет в черное. Лицо Директора, бритое, как у актера, су-*

мрачно, но энергично. При малой подвижности черт оно отражает игру души лишь черными тенями. Держится он с достоинством; временами, скорее в оттенке голоса, нежели в смысле самой фразы, звучит легкое пренебрежение, почти недоброжелательство к высокому гостю.

Маскированный. Здесь темно.

Директор. Я прикажу дать огонь, Ваша светлость.

Маскированный. Нет, погодите. Кто эти двое?

Художник и Режиссер кланяются.

Директор (*тихо*). Это мои сотрудники, Ваша светлость. Тот темный – режиссер, свой человек. Он молчит и делает. Он так умеет молчать, что Ваша светлость с той любовью к молчанию, которую я осмелился заметить, несомненно подарите его вашей благосклонностью. А этот... этот художник. Он умрет от острой тоски, если я не представлю его Вашей светлости. Вы позволите?

Маскированный. Представьте.

Директор (*громко*). Ваша светлость, позвольте представить вам моего драгоценнейшего сотрудника, знаменитого художника, гениальная кисть которого воистину творит чудеса. Он дал *зрителей* нашему театру.

Художник кланяется. Еще раз кланяется.

Маскированный. Вы гениальны?

Художник. Ваша светлость!..

Маскированный. Но почему у вас красные щеки – ваш гений хорошо питается? Вы едите слишком много мяса. Это вредно. Я пришлю вам своего доктора.

Художник. Ваша светлость!..

Маскированный отворачивается, и Художник, кланяясь, отходит. Выразив Режиссеру жестами свой восторг, он быстро исчезает.

Его светлость. У вас все готово, господин директор?

Директор. Как вы приказали, Ваша светлость. Как вам нравится самый театр? Мне стоило немалого труда найти подходящий дом на окраине столицы. Люди там... *(неопределенно показывает рукой)* ... а в эту и в эту сторону пустыня и ночь. Только стена из старого кирпича отделяет вас от пустыни и ночи.

Его светлость. Но ночь проходит и сквозь камень.

Директор. Да, ночь проходит и сквозь камень. В этом доме когда-то жили и умирали: здесь, где мы стоим, раньше была чья-то спальня. Потом дом состарился, и его оставили умирать. В сущности, это уже мертвый дом, и его собирались сломать, когда деньги Вашей светлости дали ему новую жизнь. Теперь это театр.

Его светлость. Это, кажется, второй этаж – а что под нами?

Директор. Не могу сказать с точностью, Ваша светлость; кажется, пустые комнаты. Как и над нами – двери забиты, и я не счел нужным открывать их. Ведь мы дадим только одно представление!

Его светлость. Да, одно. Театр мне нравится. Вы поняли, чего я хочу. Здесь была спальня? Вы так, кажется, сказали? Это мне нравится. Можно сказать, что они еще спят и видят все во сне. Вы остроумный человек, господин директор.

Директор кланяется.

Это сцена... А что там, за перегородкой?

Директор. Там кулисы. Здесь они представляют, там готовятся к представлению, живут и тоже представляют.

Его светлость. А где вы поместите оркестр?

Директор. Как вы приказали, Ваша светлость, – за сценой. Их не будет видно.

Его светлость. Их не будет видно. Да, необходимо, чтобы между актерами и вот *этими* не было никого живого. Поймите меня – если только мышь здесь пробежит, она испортит нам всю соль игры. Здесь должно быть пусто и немо.

Директор. Как в могиле?

Его светлость. Мертвецы говорят.

Директор. Как в вашем сердце, Ваша светлость?

Его светлость. И в вашем, господин директор. Те-

перь покажите мне вот этих.

Директор (*обращается к молчаливому Режиссеру*). Идите и слушайте мои приказания. Дайте свет на зрителей.

Режиссер удаляется. Его светлость и Директор, склонив головы, как мастера своего дела, неспешно рассматривают зрителей.

Его светлость. В этом слабом освещении *они* мне нравятся. Они похожи на живых. Вон *тот* положительно шевелился, когда вы хвалили художника, господин директор.

Директор. А вон *тот* положительно привстает, когда слышит голос Вашей светлости.

Оба тихо смеются. Внезапно вспыхивает яркий свет и падает на деревянных зрителей, беспощадно обнажая плоские деревянные лица, жалкую пестроту красок, наивную бессмысленность, лишенную стыда.

Его светлость. И это зрители нашего театра?

Директор. Да, это *зрители* нашего театра. Но вы удивлены, Ваша светлость? Разве вы не этого ожидали?

Его светлость. Да, я удивлен. И вы думаете, что наши актеры в них поверят?

Директор. Наши актеры в них поверят.

Его светлость. В это дерево и сурик? В эту жал-

кую мазню бездарного мазилки? В эту наивную бессмысленность, лишенную стыда? Полноте, господин директор, ваши актеры освищут вас. Эти *куклы* негодны даже для того, чтобы быть пугалами на огороде, они не обманут даже воробья!

Директор. Но наши актеры в них поверят. Ах, Ваша светлость, не в этом ли вся соль нашей игры? Ведь мы решили посмеяться, а стоило бы смеяться, если бы эти *куклы* были... не хуже нас? Только гениальная бездарность, как мой знаменитый художник, вложив в творение всю свою бессмертную душу, мог дать такое сочетание: бессмертие в ничтожестве. Вспомните, Ваша светлость: на первый взгляд лишь дерево и краски; но дальше – *они* уже смотрят! Еще дальше – не слышите ли вы, как бьется какой-то странный деревянный пульс? Еще немного – и чей-то деревянный голос...

Его светлость. Пожалуй, вы и правы. А вы не думаете, что и вы поверите в них?

Директор. Я?

Его светлость. Да, вы. К концу представления, конечно.

Директор. Я? Вы изволите шутить, Ваша светлость?

Его светлость. Да, я шучу. Вы меня интересуете, господин директор. Если мой вопрос не покажется

вам нескромным: где ваша жена, господин директор?
Вы человек не первой молодости.

Директор. Умерла, Ваша светлость.

Его светлость. А ваши дети?

Директор. Умерли, Ваша светлость.

Его светлость. А ваши друзья?

Директор. Умерли, Ваша светлость.

Его светлость. Вы одиноки?

Директор. Как и вы, Ваша светлость... если мне простится мое нескромное замечание.

Его светлость. Да. Вы забываетесь.

Директор молча кланяется. Молчание. Прикажете дать свет на сцену.

Директор (кричит). Дать свет на сцену!

Столб яркого света переходит на эстраду. Зрители как бы гаснут, тают в полумраке, оживают странно.

Его светлость. У вас на сцене только стол и стул... разве этого достаточно для представления?

Директор. Достаточно, Ваша светлость. Остальное они вообразят.

Его светлость. А этот странный цветок? По колючкам я сказал бы, что это кактус, если бы в его извивах не было чего-то слишком живого, слишком злобного. В его взгляде...

Директор. Вы заметили, что он смотрит?

Его светлость. Да. В его взгляде есть что-то предательское, он таится, словно в засаде. Это остроумно... но что это значит?

Директор. Все, что хотите, Ваша светлость: и горе и радость, и жизнь и смерть. Весной это похоже на сад, зимою на кладбище; королю это напомним его корону. Это сценическая условность, которая вообще облегчает работу воображения, дает игре естественность и необходимый пафос.

Его светлость. Вы мне нравитесь, господин директор. Завтра я с удовольствием послушаю вашу музыку и погляжу актеров – они должны быть интересны не менее всего того, что вы уже показали.

Директор. Но почему же завтра?

Его светлость. Сейчас ночь.

Директор. Да, сейчас ночь.

Его светлость. Ваши музыканты спят.

Директор. А разве ночь не есть сценическая условность? Музыканты готовы, Ваша светлость, и ждут ваших приказаний.

Маскированный (*пожимает плечами*). Вы кудесник, господин директор. Я слушаю.

Директор (*кланяется и говорит негромко*). Дайте музыку.

За сценой играет оркестр. Высокий человек в маске и Директор внимательно слушают; маскиро-

ванный оперся рукою на край эстрады, склонил голову и, видимо, глубоко задумался; Директор стоит так, словно прислушивается к его мыслям. Высокий вздыхает.

Его светлость. Это очень веселая музыка.

Директор. Да, Ваша светлость. Очень веселая.

Его светлость. Но в ней есть и печаль. Ваша жена была красива, господин директор?

Директор. Да, Ваша светлость.

Его светлость. Но в ней есть и тоска. Ваша жена умерла, господин директор?

Директор. Да, Ваша светлость.

Его светлость. Но в ней есть и смертное томление, и ужас, и одинокий стон бесприютного ветра, и слабая мольба о помощи. Ваши дети умерли, господин директор? Но отчего же вы молчите? Или я ошибся — и это и есть веселье нашего театра?

Директор. Да, Ваша светлость. Это и есть веселье нашего театра. Если вы изволите вслушаться, то вы поймете: это обычная музыка, которая играется на всех балах. Хочется танцевать, когда ее слышишь.

Его светлость. Да, хочется танцевать. Вы так искусно изменили мотив, что переход едва заметен. Но довольно. Я не хочу танцевать.

Директор *(кланяется и кричит)*. Довольно!

Музыка смолкает. Молчание.

Маскированный (*движением головы указывает на нарисованных зрителей*). Они должны быть довольны. Отчего они не аплодируют?

Директор. Здесь нет еще актеров.

Его светлость. А мы?

Директор. Ваша светлость в прекрасном настроении и изволит шутить. Но не хотите ли вы взглянуть на настоящих актеров, которые завтра создадут славу нашему театру? Они к вашим услугам.

Маскированный. Сейчас? Но сейчас глубокая ночь.

Директор. Ночь – только условность. Если вы изволите сесть – представление займет довольно много времени, – я проведу перед вами моих актеров. Каждый из них, в том костюме и гриме, в котором он будет играть, освещенный ярко, пройдет через сцену.

Маскированный. Нет, я буду стоять. Я смотрю.

Директор (*приказывает негромко*). Дайте актеров.

Свет внезапно гаснет, и несколько мгновений стоит полная тьма. Затем у заднего конца эстрады вспыхивает ореол, и в нем две фигуры: юноша и девушка в средневековых романтических костюмах. Обнявшись, с застывшим выражением на лицах счастья и муки, они медленно скользящей походкой проходят через сцену и скрываются в той двери, что ведет за кулисы; и свет сопровождает их. Во

все время, пока они идут, глаза их смотрят прямо перед собою, лица мертвенны и странно неподвижны – как у трупов.

(Объясняет.) Это влюбленные. Я нарочно одел их в средневековые костюмы: это больше идет к любви, чем наша отвратительная прозаическая одежда. Они умрут к концу второго действия.

Маскированный. Тише!

Директор. Они не слышат. Они оба умрут к концу второго действия.

*Снова вспыхивает свет на конце эстрады, и в нем показывается фигура **веселого человека** во фраке. С застывшей гримасой смеха на мертвецки бледном лице он медленно, глядя перед собою, проходит через эстраду. В петлице его фрака огромная, как развернувшийся кочан капусты, красная роза.*

(Объясняет.) Это веселейший в мире человек. Он питается смехом, в его жилах вместо крови текут улыбки, а там, где у людей бьется сердце, у него прыгает самый лучший, самый смешной, очаровательно-нелепый анекдот.

Маскированный. Он умрет?

Директор. Как и все мы, Ваша светлость.

*Снова вспыхивает свет. Через сцену проходит, проплывает величественно высокий, уже немолодой, **гордый человек** с бритым красивым лицом.*

В своем окаменелом величии он похож на тяжелый движущийся монумент.

Это – гениальный актер. Особенно удаются ему цари и герои. Он покончит с собою к концу третьего действия.

Маскированный. Такие обычно режутся бритвой.

Директор. Вы ошиблись, Ваша светлость: он застрелится.

Актер скрылся. В ореоле света проходит высокая слепая женщина с протянутыми вперед тощими руками. На лице ее скорбь.

Маскированный (воскликает негромко). О, какая скорбь! Глаза ее заплаканы. Кого она ищет?

Директор. Она ищет своего сына.

Маскированный. И не найдет?

Директор. Он умер. Прошу Вашу светлость обратить внимание на следующего. Это – пророк. Ценное приобретение для труппы.

Молодой, с энергичным выражением исхудалого, как бы опаленного огнем, страстного лица. Окованный трупной неподвижностью, как и все, он полон скрытого движения. Одежда порвана, на груди и лице засохшая кровь.

Один из самых талантливых моих актеров.

Маскированный. Но почему они так смотрят?

Директор. Они не видят.

Маскированный. Но почему они идут такою странною, скользящею походкой, как призраки?

Директор. Они и есть призраки, Ваша светлость. Они спят. Даже для Вашей светлости не осмелился бы я потревожить живых в такую глухую ночь, как эта.

Некоторое время молча смотрят в глаза друг другу. Маскированный улыбается. Директор потупляет глаза.

Маскированный. А мы не спим?

Директор. Если кто-нибудь не видит нас во сне, то мы – не спим. Но вы изволите шутить, Ваша светлость? И я боюсь, что эта процессия безмолвных призраков уже утомила вас. Позвольте остальных актеров представить вам завтра, а сейчас я ограничусь тем, что составляет мою гордость. Это – мои артисты. После долгих усилий мне удалось-таки добиться, что они стали похожи друг на друга, как яйца из одной корзины. Это очень смешное зрелище. Дать артистов!

Один за другим проходят через сцену десяток совершенно одинаковых, до смешного похожих людей с серыми, лишенными выражения лицами.

Маскированный. Я не могу решить, кто мне больше нравится: наши зрители или эти. Bravo, господин директор. *(Рукоплещет тихо маленькими руками, обтянутыми черными перчатками.)*

Директор (кланяется). Не правда ли, как искусно? Теперь все, Ваша светлость.

Молчание. Статисты проходят. Внезапно гаснет свет и загорается снова у конца эстрады. Директор удивлен.

Маскированный (тихо смеется). Нет, кажется, есть еще что-то. Очевидно, вы хотели что-то скрыть, господин директор?

Директор. Больше нет ничего.

Маскированный. Вы полагаете?

Мгновенье тьмы и тишины, в которой слышно дыхание Директора. На конце эстрады, откуда появлялись актеры, – бледный могильный свет, неясное озарение; будто сотни светляков или мокрых гнилушек зажгли свое сияние. Сотканный из света, возникает неясный волнующий образ женщины, которая была прекрасной.

Голос Директора (в темноте). Боже мой! Образ движется.

Маскированный. Взгляните на наших деревянных зрителей, господин директор: даже они взволнованы. Кто это проходит?

Директор. Оставьте меня.

Образ движется.

Маскированный. Или в вашей труппе есть актеры, которые вам неизвестны, господин директор? Но мне

кажется, что это вам знакомо.

Смеется. Свет гаснет. Молчание. Тьма. И когда вспыхивает свет лампочек, все является на своем месте: пустая эстрада, намалеванные зрители, а в промежутке высокий черный человек в черной маске и Директор. Но Директор очень бледен – почти как призрак.

(Говорит ласково.) Вы устали, господин директор? Я вас утомил? Вы так бледны.

Директор. Легкое нездоровье.

Маскированный. Но тогда вам необходимо лечиться, мой дорогой. Я пришлю вам своего доктора.

Директор *(кланяется)*. Я польщен вниманием Вашей светлости. Но где прикажете приготовить вам место на завтрашний спектакль? Здесь? *(Указывает на пустое кресло, стоящее в одном ряду с намалеванными зрителями.)*

Некоторое время смотрят друг на друга.

Маскированный *(говорит медленно)*. Нет.

Директор. Но...

Маскированный. Нет. Я приду только к концу представления.

Директор. Когда застрелится актер?

Маскированный. Да, приблизительно около этого часа.

Директор *(в сильном волнении схватывает его за*

руку и бормочет). Но я умоляю вас!.. Придите раньше. Придите к началу... Вы меня пугаете... Кто вы? Вы как тот неизвестный, который пришел к Моцарту и заказал ему Реквием и больше не являлся, а Реквием звучал над Моцартом, над Моцартом. Не вы ли приходили к Моцарту?

Маскированный. Нет.

Директор. Вы лжете.

Маскированный. А вы забываетесь.

Директор (*угрожающе шепчет*). Говори, или я сорву с тебя маску.

Молчание.

Маскированный (*отвечает спокойно и весело*). Если это игра, то спектакль еще не начинался, господин директор? Что с вами? Вы знаете прекрасно, зачем я к вам пришел, и я слышу явственно, как в вашем кармане побрякивает мое золото. Или я вам не доплатил? Скажите, и вы получите сполна. Но вы очень бледны, мой дорогой.

Директор (*хмуро*). Простите меня, Ваша светлость. Но с тех пор как я имею дело с актерами...

Маскированный. Вы легко теряете границу... я понимаю вас. Итак, до завтра. Надеюсь завтра видеть вас вполне здоровым – я так доволен вами, что было бы жаль, было бы жаль. Но во всяком случае я пришлю своего доктора. Да, да, не возражайте: если не

для вас, то он пригоден будет для актеров ваших – чтобы констатировать их смерть. Без этого ведь не хоронят, так, кажется? Хотя я надеюсь, что это будет театральная смерть, не так ли? – та смерть, после которой мертвецы с друзьями и любовницами идут в веселый кабачок и там гуляют до утра. Отнюдь не больше, господин директор, вы такой шутник, я знаю вас... Нет, нет, не провожайте меня, я сам найду дорогу. Прощайте.

Последние слова доносятся уже из темноты. Директор, словно окаменевший в позе почтительного поклона, медленно распрямляет спину, откидывает бледную голову и смотрит вслед ушедшему. Там хлопает одна дверь, другая – и еще их словно подхватывает ветер, и закрываются они с громким, все удаляющимся стуком. Тишина. С внезапной резкостью Директор кричит:

Эй, вы. Пойдите сюда!

Из темноты, как более тяжелый сгусток ее, появляется Режиссер. Молчаливо ждет.

Директор. Вы можете идти. Свет я погашу сам. Там нет никого?

Режиссер. Никого.

Директор (гневно). Я знаю ваши штучки! Вы опять?
Режиссер молчит.

Я вам покажу, кто здесь хозяин. Дайте свет на эст-

раду и уходите. Я хочу быть один. Вы слышите... или вы оглохли? Уходите.

Режиссер исчезает. Через мгновение вспыхивает свет рампы и озаряет эстраду. И опять слышно последовательное хлопанье многих дверей – кто-то долго и далеко уходит.

(Прислушивается.) Раз-два-три... Как странно: откуда взялось столько дверей? Еще одна... две. Ушел. *(Утомленно оглядывается. Проходит между эстрадой и нарисованными зрителями и останавливается перед одним, смотрит долго, заложив руки в карманы.)* Да, в темноте они живут. Но на кого так подло похож этот? Кто-то из моих друзей. Какая подлость. *(Долго покачивает головой. Отходит и по лестничке взбирается на эстраду, прохаживается взад и вперед, один в соевещенном пространстве.)* Только и отдыхаешь, когда остаешься один. *(Осматривается.)* Да, света достаточно: они видны ровно настолько, насколько нужно. Хороший свет. Но откуда здесь столько дверей? Они хлопали так, точно он уходил в бесконечность. Это оттого, что ночь и звуки нелепо громки. Оттого, что ночь. *(Поправляет стол и стул.)* Так будет лучше. Да, хороший свет. Отдохнем. *(Садится у окна, лицом к намалеванным зрителям.)* Отдохнем. *(Рассматривает свою руку.)* Однако как сильно дрожит рука. Моя рука. Какая она стала ста-

рая, моя рука. Морщины, складки – целые борозды от плуга. (*Оборачивает руку ладонью кверху.*) Где-то тут мое счастье? Вот, в этой линии, должно быть, – она ужасно коротка. Счастье. (*Задумывается. Решительно встряхивает головой и громко говорит.*) Отдохнем. Мне здесь нравится. Я люблю сцену, когда она еще пуста, но огни уже горят; я люблю пустой зал перед началом бала, люблю опущенный занавес, потупленные глаза, несказанные речи. Быть может, завтра я уйду со сцены, как освищенный актер, но сегодня я жду чего-то. Всю жизнь я жду, а бал все еще не начинался, а кто-то не приходит и не дает ответа, и уже устало мое сердце. Вот я заплачу сейчас, закричу громко, пожалуй, стану рыдать – и никто меня не услышит. Я здесь один. И крик мой будет как у спящего: не услышит его даже подушка, и если к самому рту наклониться ухом, то и тогда не услышишь: в себе самом кричит спящий. Кто знает? Кто скажет? Может быть, и мертвецы стонут в своих могилах, а на кладбище тихо. Кто знает? Может быть, и я давно уже умер, а все это только грезы моего мертвого мозга... или той пустоты, которую он населял. И проходит с фонарем сторож по кладбищу и думает: как тихо в моем поместье, присоединю-ка и я мой сон к их вечному сну. Нет, не стоит плакать. (*Молчит и потирает озябшие пальцы. Поднимает голову.*) Моих

страданий я не передам слезами. Моих страданий я не передам и криком, как бы я ни кричал и ни бросался тяжелыми словами, – только море молчания, пустынное море тишины и безмолвия, тихая гладь небытия воздвигнет образ несказанной скорби моей, моей горькой и страшной печали. Да и кто поверит актеру? Не вы ли, мои деревянные друзья, слушающие так же внимательно и чутко, с таким глубоким пониманием и смыслом? Один я здесь. Он пришел ко мне ночью, когда тревожнее стонут мертвецы в своих могилах. Вот его золото. (*Выбрасывает на стол кучку золотых монет.*) Он пришел ко мне ночью. И черна была та ночь, и черны были его маска и плащ, и черна предательская мысль, которую он предложил мне осуществить... предательство я чувствую в его холодном взгляде. Вот его золото. Что ему надо? Дух его беспокоен, а речи надменны, и ирония его тупа, и замыслы его страшны, и он сам страдает молча – кто он?

Молчание.

А кто я?

Молчание.

О, как глуха ночь! Еще никогда не было в мире такой глухой ночи, как эта, ее мрак ужасен, ее молчание бездонно, и я совсем один. Я слушаю, не стукнет ли дверь. Нет, молчат. Дверей так много, но никто не при-

ходит, никто не зовет, и нет голоса живого, и только мертвецы тревожнее стонут в своих могилах. (*Громко кричит.*) Милосердия! Милосердия!

Молчание. Директор тревожно оглядывается, ждет хотя бы эхо, но ненарушимы молчание и мрак. Зажимает голову руками и молчит.